

УДК 330

DOI: 10.34670/AR.2019.91.9.013

**Развитие концепции экономического оппортунизма
в трудах экономистов Шотландского Просвещения:
стимулы, мораль, социальный порядок**

Чащин Владимир Владимирович

Доктор экономических наук,
ректор,

Уральский институт фондового рынка,
620100, Российская Федерация, Екатеринбург, Сибирский тракт, 35;
e-mail: rector@uifr.ru

Аннотация

Проблема оппортунизма является одной из ключевых проблем, определяющих современное понимание экономических процессов, поэтому значительную роль в этом вопросе играет ясность исходных концептуальных положений. В статье предпринят анализ эволюции концепта экономического оппортунизма в контексте истории экономической мысли, в частности в рамках учений видных представителей Шотландского Просвещения Д. Юма и А. Смита. Нацеленность индивидов на отстаивание своих интересов в сильной форме, ограниченность способностей человека к расчету, непредумышленный характер последствий индивидуальных решений, значимость морали в кооперации – все эти тезисы, как демонстрируется в работе, объединяют концепции социального порядка шотландских экономистов. Отмеченные же в их системах парадоксы и различие подходов к объяснению указанных вопросов имеют под собой веские основания, одним из которых можно считать проблему автономности индивида. В исследовании показано, как в процессе поиска фундамента общественного бытия выделяются чисто экономические предпосылки социального порядка, исследуются их последствия и формируются базовые смыслы концепции экономического оппортунизма. Очерчены исторические судьбы данных идей с точки зрения различных направлений современной экономической теории.

Для цитирования в научных исследованиях

Чащин В.В. Развитие концепции экономического оппортунизма в трудах экономистов Шотландского Просвещения: стимулы, мораль, социальный порядок // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 9А. С. 112-122. DOI: 10.34670/AR.2019.91.9.013

Ключевые слова

Нравственность, социальный порядок, экономический оппортунизм, концепция экономического оппортунизма, Шотландское Просвещение.

Введение

Проблема оппортунизма является одной из ключевых проблем, определяющих современное понимание экономических процессов¹. В то же время данный вопрос, несмотря на значительное число публикаций, посвященных этой теме, и многоплановую оценку эффектов оппортунистического поведения, содержащихся в работах по экономической теории, остается, по-видимому, открытым. В частности, именно концепция оппортунистического (недобросовестного, вероломного) поведения является одним из главных «входных шлюзов» при пополнении экономических моделей нравственными принципами, где эффективность связывается с добродетелью, аллокация – с дистрибуцией. Указанное, например, находит свое отражение в различных вариантах интерпретации доверия как фактора экономического развития или в поведенческих исследованиях экономических процессов².

Кроме того, в рамках непосредственно теории контрактов использование свойственных парадигме «структура – поведение – результат» подходов приводит к снижению объяснительного потенциала концепции оппортунизма в отношении динамических аспектов экономики. Дело в том, что указанной парадигмой обычно предполагается заданный набор как структурных характеристик обмена, так и разновидностей контрактных отношений, определяющих агентские оптимизационные стратегии. Формируемые модели при этом оказываются операционально выигрышными, но, по существу, статичными.

Не в последнюю очередь такая ситуация может быть обусловлена известной размытостью исторических горизонтов концепции экономического оппортунизма. С одной стороны, оппортунистическое поведение выглядит явлением «вневременным», свойственным любой эпохе, с другой – вопрос об экономическом оппортунизме в явном виде поставлен именно современной социально-экономической мыслью (скажем, в рамках теории О. Уильямсона). Между тем, если признать, что концепция экономического оппортунизма – принципиально историческое явление, т. е. феномен развивающийся и изменяющийся, становится очевидной и необходимость исследования эволюции этой теории.

В качестве исходной точки здесь можно взять учение Б. Мандевиля с девизом «Пороки частных лиц – блага для общества» и реакцию на это учение шотландских мыслителей Д. Юма и А. Смита. Конечно, заявленная проблематика в той или иной степени анализировалась в творчестве и других ранних экономистов (иными словами, исследуемый вопрос понимается все-таки не *in statu nascendi*, а *in statu formandi*). Тем не менее Д. Юм одним из первых последовательно и детально провел анализ генезиса контрактов и контрактных механизмов из интересов и действий индивидов *per se*, а также институциональных и эволюционных аспектов соглашений, а до А. Смита многомерная природа человеческих поступков в контексте проблемы взаимодействия нравственных, политических и экономических институтов не рассматривалась столь ясно и комплексно.

---

¹ См., например: Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб.: Лениздат, 1996; Akerlof G. The market for “lemons”: quality uncertainty and the market mechanism // Quarterly journal of economics. 1970. Vol. 84. No. 3. P. 488-500; Becker G. Crime and punishment: an economic approach // Journal of political economy. 1968. Vol. 76. P. 169-217; Tullock G. The welfare costs of tariffs, monopolies, and theft // Western economic journal. 1967. Vol. 5. No. 3. P. 224-232.

² См., например: Фукуяма Ф. Доверие. М.: АСТ, 2004; Bazerman M.H., Loewenstein G., Moore D. Why good accountants do bad audits // Harvard business review. 2002. No. 11. P. 96-102.

Давид Юм: полезность и нравственность

Смена парадигмы обоснования социального порядка от средневекового *ordo* (где представление об утилитарном характере государства все же было неразрывно связано с корпоративностью и иерархичностью мироустройства) до имманентных самоподдерживающих процессов Нового времени изобиловала контринтуитивными, зачастую парадоксальными открытиями, среди которых одним из самых ярких может считаться учение Мандевиля [Мандевиль, 1974]. Этическая окраска его теории, неожиданное противопоставление индивидуальных действий – обмана, несоблюдения соглашений и лицемерия – именно в качестве пороков общественному результату их реализации как благу вызвали соответствующую реакцию обществоведов Шотландского Просвещения. Так, Юм излагает свое мнение по поводу положений «Басни о пчелах» на страницах третьей части «Трактата о человеческой природе» («О морали») [Юм, 2001]. По словам Юма, себялюбие – естественная поведенческая характеристика человека, коррелирующая с инстинктом самосохранения (иными словами, себялюбие здесь – это не принцип морали как квинтэссенции общественного порядка, а базовое стремление индивида к удовлетворению своих потребностей). Специфически человеческой чертой себялюбия является его двойственный характер: с одной стороны, человек способен оценить (пусть и несовершенно) последствия своих поступков, с другой – сиюминутный интерес играет ведущую роль в процессе принятия решений.

В вечном разрешении этой дилеммы Юм и видит особенность человеческого бытия, проявляющуюся в развитии кооперативной деятельности: себялюбие, вернее, его модус – стремление к улучшению своего положения, прямо обуславливает появление социума, ибо человек в состоянии видеть, что совместная деятельность всегда дает потенциально лучший результат, чем труд индивидуальный. В то же время именно кооперация порождает возможность непроизводительного, так сказать, обогащения, поскольку ресурсы относительно ограничены, а результаты сотрудничества часто неопределенны. Здесь-то и вступает в действие себялюбие, основанное на непосредственном интересе и подталкивающее индивида к присвоению как можно большей части продукта совместного труда, что ставит под вопрос продолжение кооперации.

Надо сказать, что Юм смотрит на такое положение вещей с оптимизмом и не видит фатальной проблемы в постоянном напряжении между стремлением индивидов к кооперации и страхом быть обделенным в результате взаимодействия. Поскольку себялюбие – неоспоримая основа человеческой природы, управлять им можно лишь при помощи воздействия на личные же мотивы: корректная система стимулов способна определить наш выбор в пользу кооперативной деятельности.

Но где же найти инструмент, способный обеспечить такие условия? Юм указывает на него: это соглашения, представляющие собой систему взаимных поведенческих ожиданий индивидов (то, что позже Н. Луман будет называть двойной контингентностью). Посредством таких соглашений формируется искусственная добродетель – справедливость, лежащая в основе социальных институтов, в частности в основе права собственности. Именно справедливость, обусловленная соображениями пользы, является центром и квинтэссенцией учения Юма. «Создайте чрезмерное изобилие или чрезвычайную бедность... – пишет он в «Исследовании о принципах морали», – и, сделав справедливость совершенно *бесполезной*, вы тем самым полностью уничтожите ее сущность» [Юм, 1966, т. 2, 229].

Важно то, что упомянутые взаимные ожидания индивидов характеризуются

неопределенностью и существенным образом зависят от истории отношений, проб и ошибок, т. е. от адаптации, формирующей привычку, эмпирическую веру, позволяющую экономить интеллектуальные усилия, но не являющуюся строгим детерминантом. Кроме того, соглашения основаны не на взаимных обещаниях (узловой момент), но лишь на последствиях действий индивидов (знаменитый пример с гребцами в лодке).

Важную роль в описываемых процессах играет и языковой опыт, полагаемый философом чем-то вроде посредника между чувствами и рассудком. Так, Юм пишет: «Опыт обучает нас тому, что дела человеческие можно было бы вести с гораздо большей выгодой, если бы были установлены известные символы или знаки, при помощи которых мы могли бы внушить друг другу уверенность в том, как мы станем поступать в известных случаях. После того, как учреждены эти знаки, всякий, кто ими пользуется, тотчас *обязывается ради собственного интереса* выполнять свои обязательства» [Юм, 2001, 290].

Далее Юм, совершенно так же, например, как в наше время это делает М. Олсон, разбирая суть «дилеммы заключенного» (правда, с иными результатами), говорит о двух возможных ситуациях реализации соглашений. В небольших обществах контроль исполнения соглашений несложен, следствия нарушений очевидны, потому эксцессы могут решаться на межличностном уровне. В больших социумах причины и последствия поступков нечасто становятся эмпирически совместимыми, контроль затруднен, регулятивный центр тяжести переносится на надындивидуальный уровень. Здесь-то и появляется обеспечивающая сохранение соглашений мораль, основывающаяся на чувствах, позволяющих эффективно дифференцировать добродетели и пороки исходя из первичных аффектов человека. Рациональным же суждениям, базирующимся на категориях истины и лжи, места в области нравственности практически не оставлено. В такой системе связь между действующими агентами во многом обусловлена (как и у Шефтсбери) симпатией – чувственно-спекулятивным моментом или особым свойством человека, воображением, позволяющим воспроизвести чувства партнера и обеспечить общность точек зрения по поводу одних и тех же обстоятельств (в *Second Enquiry* симпатия отчасти замещена, отчасти дополнена менее рефлексивной благожелательностью).

Таким образом, Юм, ориентируясь на специфическую гносеологию и эмпирическую моральную философию, формирует основу понимания социального порядка, характерной чертой которого является опора на поведенческие качества человека. Вопрос об оппортунистическом поведении как таковом Юмом прямо не поднимается: поскольку в социальной жизни мы имеем дело с неопределенностью, постольку непостоянство намерений есть неизлечимая «слабость человеческой природы» [Юм, 1966, т. 2, 593]. Соответственно, экономический оппортунизм у Юма, по сути, становится неотличимым от явных, силовых действий по перераспределению собственности: внимание концентрируется только на способах обеспечения отвечающего интересам общества «инфорсмент» соглашений (нужно принуждать людей считаться с их собственными неочевидными интересами) [Там же].

Пожалуй, с наибольшей определенностью в отношении сущности именно оппортунизма Юм, осознававший, конечно, сложность проблемы скрытых намерений, высказывается в третьей главе «Второго исследования»: знаки как внешнее выражение воли индивида постепенно стали главной частью обещаний, и теперь тайное направление воли договаривающегося в сторону от договора не отменяет эксплицитного обещания [Там же, 242]. И хотя символическая форма соглашений всегда неполна, несоответствие подлинных намерений, помыслов сторон контракта не может лишать договор силы. При этом все эти рассуждения нужны мыслителю лишь для того, чтобы лишний раз подчеркнуть: такая система

общественного порядка возможна лишь при одном условии – принципе полезности, лежащем в основании морали. Очевидно, однако, что потенциал данных тезисов гораздо шире иллюстративного: контингентность социальных норм отнюдь не является простым следствием утилитаристских интенций. Мандевиль, влияние которого на Юма неоспоримо, развивал именно эту тематику.

Скрытые проблемы аргументации Д. Юма и основания методологического поворота А. Смита

А. Смит в «Теории нравственных чувств», на первый взгляд, придерживается позиции Юма и воспроизводит его аргументацию: Мандевиль неудачно употребляет термины, называя пороками движения необходимых для организации социального порядка индивидуальных аффектов, в частности стремление к вознаграждаемым обществом поступкам и честолюбие [Смит, 1997]. Однако чувствуется и некоторая нерешительность в рассуждениях мыслителя: эта система (Мандевиля), пишет он, вызвала тревогу друзей справедливости, ибо с виду близка к истине.

Сомнения Смита могли быть вызваны серьезной методологической проблемой, решенной в концепции Юма не до конца. Изложим возможную аргументацию Смита при обосновании необходимости особого внимания к взаимодействию полезности и морали. Предположим, мораль действительно порождается соображениями пользы. Тогда порочный поступок, например мошенничество, скрывает в себе следующую логику. Нарушая права собственности, мы поступаем безнравственно, несправедливо. В свою очередь, нарушая нормы справедливости, мы нарушаем соглашения. Нарушить соглашение мы можем лишь тогда, когда выгода в результате реализации этого акта превысит полезность бытия в обществе.

Но как такое возможно? Ведь именно большая, чем в индивидуальном состоянии, полезность совместных действий обуславливает возникновение социума. Юм считал, что защитился от таких возражений, зафиксировав деятельностный, нерелективный, непреднамеренный характер соглашений, при котором мотивы кооперации корреспондируют с принципом полезности, но лежат вне плоскости прямого рационального расчета (мораль – это не модификация эгоизма, но склонность, непосредственное аффективное схватывание блага общественного состояния). Поскольку сам же философ писал о том, что соглашения и справедливость приводят к появлению обязательств как формы стремления сохранить общественный строй, т. е. обеспечить устойчивость кооперации, он косвенным образом признавал возникновение соглашений-обещаний из соглашений-действий. В свою очередь, данный факт имплицитно подразумевает наличие двух стимулов (и стратегий), связанных именно с желанием сохранить общество: прямой выгоды от социальной синергии (в процессе соучастия) и косвенного интереса, заключающегося в возможностях эксплуатации социальной формы соглашений. Наконец, можно указать два пути реализации косвенного интереса – деятельность по поиску и организации ренты (например, в варианте модели «оседлый бандит») и собственно оппортунизм.

Последнее является ключевым моментом. Юм, конечно, понимал (например, заявляя в приложении третьем *Second Enquiry* о том, что выгода от справедливости реализуется благодаря целой схеме или системе отношений, обязательно распространяющейся на все общество), но в рамках своей концепции не считал существенным то обстоятельство, что оппортунистическое поведение (в отличие от прямого нарушения соглашений) интенционально основывается на

необходимости формального сохранения кооперации, хотя именно в этом заключаются и смысл, и операциональные аспекты такого действия.

Оказывается, что само социальное дает начало новому витку «краткосрочного» себялюбия, при котором индивиду выгодно и находиться в обществе, и не находиться в нем. Иными словами, как говорят современные экономисты, любому индивиду выгодно нарушать соглашения при условии, что все остальные будут этих соглашений придерживаться. Вывод обескураживает: общество не снимает неопределенность – пусть даже в процессе последовательной адаптации и взаимного признания, но меняет характер этой неопределенности и направление импульсов себялюбия. И члены общества становятся ловцами шансов обогатиться даже за счет партнера – при неприменном стремлении сохранить кооперативное взаимодействие, обеспечивающее такие возможности. Собственно, о возможности таких ситуаций писал и сам Юм в эссе «О происхождении правления», а именно о том случае, когда человек сочтет, что его интересы получают больше пользы от обмана, чем пострадают от той брешки, которую пробьет его несправедливый поступок в общественном союзе; такой вывод сегодня можно сделать и из позиции М. Олсона [Олсон, 2012; Юм, 1966, т. 2, 593].

Все изложение выше показывает, что теория Юма так же полна внутренних противоречий, как концепция Мандевилля – явных парадоксов. Например, именно воображение, организующее intersubjective пространство и лежащее в основе привычки, т. е. относительной устойчивости отношений, порождает одновременно и убедительность, и эмоциональную достоверность, обуславливающую возможность обмана, разрушающего поведенческую предсказуемость. Вероятно, поэтому Юм находит возможным частичное отступление от своих гносеологических постулатов, с известными оговорками признавая каузальность в моральной сфере, что должно определять постоянство поведенческой согласованности общества. Не менее важной философ считает и необходимость осуществления стимулирующей политики, подталкивания агентов к оптимальному выбору, т. е. своеобразного патернализма, удивительно напоминающего современные либертарианские версии [Sunstein, Thaler, 2003].

Адам Смит: нравственность и экономика

Как было замечено ранее, Смит, вероятно, понимал скрытую противоречивость позиции старшего товарища, и потому мораль у него основывается только на чувстве симпатии, вернее, двойной симпатии. Однако ведь и в этом случае – раз уж социальное одобрение, вызывающее чувство морального удовлетворения, столь важно для нас (оно, помимо прочего, является источником стремления к улучшению своего положения, страсти к богатству), и честолубие, неотличимое подчас от тщеславия, состоит в равной степени из «казаться» и «быть» – возможной и вполне привлекательной становится стратегия мимесиса, копирования знаков моральной полноценности.

Тогда, помимо нравственного чувства, помогающего дифференцировать добродетели и пороки, значимость приобретает и способность различать, распознавать истинность или ложность тех моральных фактов, что мы наблюдаем. Именно соответствие моих аффектов аффектам другого и порождает признание адекватности моральной реакции. Не зря, по выражению Шумпетера, Смит развивал этику именно в качестве науки, объясняющей человеческие суждения о поведении, а не как науку о поведении как таковом [Шумпетер, 2001, т. 1]. Иначе говоря, вопрос об истине и лжи, и без того проглядывающий в рефлексивных

моментах симпатии (незаинтересованный наблюдатель), возвращается в плоскость моральной проблематики, обуславливая и возрождение гипотезы о частично рациональных основаниях нравственности.

И Смит (во многом оставаясь еще в парадигматических границах нравственной философии) находит решение более радикальное, чем у Юма: отрицая прямую связь нравственности и полезности, он *de facto* описывает две генетически родственные области социальной онтологии, в одной из которых – моральной – продолжают царствовать чувства, дифференцирующие пороки и добродетели вне соображений пользы (но в рамках стремления к удовольствию), что позволяет человеку оставаться нравственно автономным, а в другой – обосновывается естественный принцип стремления человека улучшить свое положение специфически – при помощи увеличения богатства в процессе общественной кооперации. Последней областью, собственно, и становится экономика.

С точки же зрения проблематики настоящей работы Смит выводит интенции себялюбия из-под прямого действия нравственности: они взаимодействуют с моралью, но не подчиняются ей; *individuum*, как замечает Ницше, здесь становится *dividuum* [Ницше, 1990, т. 1]. Соответственно, не только усиливается момент автономности индивида, но и происходит принципиальное увеличение степеней свободы индивидуальных действий, закладывается концептуальная основа особого рода социальной активности.

Так происходит отделение (а вернее, выделение, поскольку об автономности морали говорили и Шефтсбери, и Хатчесон) экономической и нравственной проблематики (именно на теоретическом уровне, в отличие от взглядов меркантилистов, которым М. Блауг в этом вопросе отдает пальму первенства, но в тезисах которых экономика, по существу, не была отделена от политики и от морали) [Блауг, 1994]. Тенденцию к поиску самообоснования социального порядка Смит доводит до логического завершения, одновременно устраняя из этики всяческие внешние предпосылки (гетерономность) и формируя ее *alter ego* – экономику, в свою очередь, требующую доказательства автономности. И если Юм, стремясь включить в социальную философию как эмпирическую науку все наблюдаемые факты, дополнял принцип полезности морали поведенческим сценарием незаинтересованной благожелательности, то Смит в качестве контрапункта этической концепции взял именно эгоистическое стремление к увеличению богатства и, показав относительную независимость этих поведенческих паттернов, раскрыл систему их взаимодействия, где автономность указанных областей общественного бытия выступает фактором устойчивости социального взаимодействия в целом.

Данные аспекты индивидуального поведения Смит анализировал еще в «Теории нравственных чувств», где тяга к богатству объявлялась философом то результатом нравственного удовольствия от созерцания чужого успеха, то хитростью Провидения, при помощи которой наиболее способные индивиды мотивируются к хозяйственной деятельности, обеспечивающей средства существования для менее одаренных собратьев. Исследование стремления к улучшению своего положения вне парадигмы морали потребовало несколько иного подхода. Обсуждение данных вопросов является одной из главных тем «Богатства народов» и проходит красной нитью через все сочинение [Smith, 2012].

Анализ Смита показывает: влияние эгоистической мотивации формирования соглашений на результаты обменов велико и фактически определяет успешность самой кооперации. Концепция отца экономической науки отталкивается от индивидуальной заинтересованности вне какой-либо априорной телеологической базы (если не считать довольно абстрактные принципы «невидимой руки» или склонности человека к обмену), и это (индивид не осведомлен

о последствиях своих поступков, но рефлексивно состоятелен, т. е. способен встать на позицию, учесть эгоизм другого) требует специфических способов объяснения социального порядка. Так формируется экономическая ипостась моральной категории «искушение» (*temptation*), образующая во всем многообразии своего проявления экономическую онтологию, где эффективность сделок зиждется на неприкосновенности свободы эгоистических влечений агентов, определяющих спонтанный характер и адаптивную гибкость стратегий поиска возможностей кооперации; конкуренция же, оказывая дисциплинирующее воздействие, обеспечивает наилучшую защиту от стремления воспользоваться неведением контрагента или возможности нарушить соглашение.

Конечно, для этого необходимы и специальные условия, прежде всего – наличие механизма спецификации собственности; но институт собственности у Смита (как, впрочем, и у Юма), в отличие от идей Локка, – не простое ограничение или естественный закон, но структурирующее звено кооперации, формирующейся в условиях информационной неполноты, и обуславливающее развитие тех или иных форм взаимодействия индивидов.

Таким образом, на место добродетели и порока в экономической теории Смита ставятся эффективность и неэффективность (в относительном смысле обеспечения условий роста богатства общества), что в контексте нашей работы определяет начало развития собственно концепции экономического оппортунизма. Отсюда же вытекает и двойственность позиции Смита: экономист не решается ни исключить из частных обменов прямое регулирование, ни принять его как должное; альтернативные издержки в обоих случаях влияют на эффективность, но при этом часто неопределенны. Шотландец близок к признанию: и эксплуатация индивидами контрактной неопределенности, и стремление защититься от этого – необходимые элементы реализации принципа улучшения своего положения.

Мысль Смита вращается вокруг двух парадигмообразующих центров (в том числе в контексте дискуссии о позитивном и нормативном в экономике). С одной стороны (глава «О налогах» «Богатства народов»), оппортунистическое поведение часто инициируется недолжным управлением, установлением ненужных ограничений, в данном аспекте он (оппортунизм) – не более чем проявление естественной свободы индивида [Ibidem]. С другой стороны, едва ли не каждая конкретная, исторически обусловленная система соглашений как форма обменных процессов становится в этом случае принуждением, которое индивид, движимый себялюбием, стремится преодолеть – опять–таки в актах оппортунизма, становящегося тотальным базовым поведенческим принципом, в свою очередь, влияющим на эволюцию институционального ландшафта. С известной натяжкой можно сказать, что это та самая «альтернативная трактовка», которой Дж. Бьюкенен при обосновании конституционализма отказывает в существовании и которая объясняет, почему каждый индивид *может* рассматриваться как перманентный потенциальный революционер, влияющий на социальное развитие [Бьюкенен, 2004; Заостровцев, 2013].

Заключение

Нацеленность индивидов на преследование своих интересов в сильной форме, ограниченность способностей человека к расчету, непредумышленный характер последствий индивидуальных решений – все эти тезисы, как указывалось, объединяют концепции социального порядка Юма и Смита. Отмеченные же в их системах проблемы имеют под собой веские основания, одним из которых можно считать проблему обоснования автономной

индивидуальности.

Именно в стремлении объяснить взаимоподдерживающее влияние независимых принципов нравственного начала и себялюбия на жизнь общества Смит выделил мораль и экономику в самостоятельные области социального бытия, преодолевая таким образом двусмысленность, характеризующую этические концепции Д. Юма (утилитаристский вариант) и Ф. Хатчесона (неутилитаристская система). С другой стороны, исследователям, стремящимся сохранить индивидуальную рациональность в качестве главного методологического фундамента экономики – пусть даже ценой ограничения этой рациональности, целесообразно принять во внимание, что собственно скептицизм Юма как одна из ранних концепций несовершенной рациональности привел мыслителя к обоснованию морали в качестве основного поведенческого института «больших обществ».

Указанное в значительной степени касается и современных версий толкования экономического оппортунизма. Например, исследования О. Уильямсона, интерпретирующего (в рамках теории контрактов) оппортунистическое поведение как один из главных факторов, определяющих выбор той или иной формы экономических трансакций, являются замечательной иллюстрацией к возможным способам толкования концепции Д. Юма (соответствующие формулировки Уильямсона удивительно созвучны идеям небольшой работы Юма «О первоначальном договоре»). Именно сильный эгоизм (которому, впрочем, у Уильямсона, как и у Юма, индивиды привержены не в одинаковой степени) приводит к появлению целых классов соглашений и структур взаимодействия, позволяющих устойчиво экономить интеллектуальные усилия (в том числе воспроизводя рутину, привычки) в условиях информационной неполноты. В то же время распространение гибридных (промежуточных) форм соглашений подталкивает нас к мысли о важности доверия и нравственных способов поддержки кооперативной деятельности.

Определяющим моментом здесь, вероятно, становится ясность исходных концептуальных положений. Возврат к истокам проблематики взаимодействия морали и экономики в русле генезиса концепции экономического оппортунизма является в этом смысле плодотворным.

Библиография

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: Дело, 1994. 687 с.
2. Бьюкенен Дж. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 4. С. 417-435.
3. Заостровцев А.П. Либеральная политическая экономия и философия Джеймса Бьюкенена // Вопросы экономики. 2013. № 11. С. 34-52.
4. Мандевиль Б. Басня о пчелах. М.: Мысль, 1974. 376 с.
5. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. 830 с.
6. Олсон М. Власть и процветание. М.: Новое издательство, 2012. 212 с.
7. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 350 с.
8. Хатчесон Ф. Исследование о происхождении наших идей красоты и добродетели в двух трактатах // Хатчесон Ф., Юм Д., Смит А. Эстетика. М.: Искусство, 1973. С. 41-269.
9. Шумпетер Й. История экономического анализа: в 3 т. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 1. 494 с.
10. Юм Д. О человеческой природе. СПб.: Азбука, 2001. 314 с.
11. Юм Д. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1966. Т. 2. 799 с.
12. Smith A. An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Simon & Brown, 2012. 588 p.
13. Sunstein C., Thaler R. Libertarian paternalism is not oxymoron // University of Chicago law review. 2003. Vol. 70. No. 4. P. 1159-1202.

**The development of the conception of economic opportunism
in works by the economists of the Scottish Enlightenment:
the incentives, morality, social order**

Vladimir V. Chashchin

Doctor of Economics,
Head of the Ural Institute of the Stock Market,
620100, 35 Sibirsky trakt, Ekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: rector@uifr.ru

Abstract

The problem of opportunism determines the modern understanding of economic processes, that is why the clarity of the initial conceptual provisions is very important. The article aims to carry out an analysis of the evolution of the concept of economic opportunism in the context of the history of economic thought, in particular, within the framework of works by prominent representatives of the Scottish Enlightenment D. Hume and A. Smith. The author of the article demonstrates the following: on the one hand, the focus of individuals on their interests in a strong form, the limits of human rationality, the unintentionality of the consequences of individual decisions, the importance of morality in cooperation unite the conceptions of the social order of Scottish economists; on the other hand, the paradoxes of their systems and the difference in approaches to the explanation of these issues have strong reasons, for example the problem of autonomy of an individual. The study shows how purely economic prerequisites for the social order are singled out in the process of searching for the foundations of social cooperation, their consequences are investigated and the basic ideas of the conception of economic opportunism are dealt with. The historical destinies of these ideas are outlined from the point of view of different directions in modern economics.

For citation

Chashchin V.V. (2019) Razvitie kontseptsii ekonomicheskogo opportunizma v trudakh ekonomistov Shotlandskogo Prosveshcheniya: stimuly, moral', sotsial'nyi poryadok [The development of the conception of economic opportunism in works by the economists of the Scottish Enlightenment: the incentives, morality, social order]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra* [Economics: Yesterday, Today and Tomorrow], 9 (9A), pp. 112-122. DOI: 10.34670/AR.2019.91.9.013

Keywords

Morality, social order, economic opportunism, conception of economic opportunism, Scottish Enlightenment.

References

1. Blaug M. (1962) *Economic theory in retrospect*. Cambridge University Press. (Russ. ed.: Blaug M. (1994) *Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive*. Moscow: Delo Publ.)
2. Buchanan J. (1979) *Politics without romance: a sketch of positive public choice theory and its normative implications*. (Russ. ed.: Buchanan J. (2004) *Politika bez romantiki: kratkoe izlozhenie pozitivnoi teorii obshchestvennogo vybora i*

-
- ee normativnykh uslovii. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli* [The milestones of economic thought], Vol. 4. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ., pp. 417-435.)
3. Hume D. (1896) *A treatise of human nature*. (Russ. ed.: Hume D. (2001) *O chelovecheskoi prirode*. St. Petersburg: Azbuka Publ.)
  4. Hume D. (1966) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ.
  5. Hutcheson F. (1725) *An inquiry into the original of our ideas of beauty and virtue*. (Russ. ed.: Hutcheson F. (1973) *Issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idei krasoty i dobrodeteli v dvukh traktatakh*. In: Hutcheson F., Hume D., Smith A. *Estetika* [Aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 41-269.)
  6. Mandeville B. (1924) *The fable of the bees*. (Russ. ed.: Mandeville B. (1974) *Basnya o pchelakh*. Moscow: Mysl' Publ.)
  7. Nietzsche F. (1990) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ.
  8. Olson M. (2000) *Power and prosperity: outgrowing communist and capitalist dictatorships*. New York: Basic Books. (Russ. ed.: Olson M. (2012) *Vlast' i protsvetanie*. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ.)
  9. Schumpeter J. (1954) *History of economic analysis*. (Russ. ed.: Schumpeter J. (2001) *Istoriya ekonomicheskogo analiza: v 3 t.*, Vol. 1. St. Petersburg: Ekonomicheskaya shkola Publ.)
  10. Smith A. (2012) *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Simon & Brown.
  11. Smith A. (1759) *The theory of moral sentiments*. (Russ. ed.: Smith A. (1997) *Teoriya npravstvennykh chuvstv*. Moscow: Respublika Publ.)
  12. Sunstein C., Thaler R. (2003) Libertarian paternalism is not oxymoron. *University of Chicago law review*, 70 (4), pp. 1159-1202.
  13. Zaostrovtshev A.P. (2013) Liberal'naya politicheskaya ekonomiya i filosofiya Dzheimsa B'yukenena [James Buchanan's liberal political economy and philosophy]. *Voprosy ekonomiki* [Issues of economics], 11, pp. 34-52.
-